

и тот, кто половчей да посильней, одолевает. Человек идет на медведя, и, если оробеет, то сгребет его старик и спасется... Так — всегда в тайге... Русский сделал зло Бигалтару. Русский поднял ружье на него и хотел стрелять и убил бы его. Разве худое что-нибудь сделал Бигалтар, защитив себя? И разве Бигалтар как волк, задрав добычу, бросил ее кости среди леса на позорище другим зверям? Ведь вот убрал он труп и пришел сюда сказать — пусть почитают мертвого его родичи... Где худо?..

Было темно и скучно в бане. В тайгу бы обратно, к своей речке, к родному приволью, где дышится незаметно, где законы свои, и мыслей вот таких нет. И нет тревоги, которая, как слабое пламя потухающего костра, ползущее по золе, течет в душу...

ШИШКОВ

ВЯЧЕСЛАВ ЯКОВЛЕВИЧ.

Известный беллетрист и драматург. Ряд лет провел в Сибири по изысканиям, как техник. Свою литературную деятельность начал в 1909 г. в Томске. Сотрудничал в сибирских и центральных журналах и газетах: «Молодая Сибирь», «Сибирский Альманах». «Северные Зори», «Сибирская Жизнь», «Заветы», «Ежемесячный Журнал» — Миролюбова, «Красная Новь», «Круг» и многие другие. Особенностью его творчества является солнечная радость и богатый юмор. В его «Ватаге» отразилась романтика. В последнее время выходит собрание его сочинений.

СУД СКОРЫЙ.

Во время обеда, когда изрядно «на радостях» подвыпили, Борька, между прочим, сказал:

— Ребята!.. А знаете что? — и обвел всех смеющимся полупьяным взглядом. — Давайте-ка завтра тунгусов судить. Идет?

Верзила прохрипел:

— Идет... Это мы можем. По тунгусам я хаживал... Всякие явления пустить могу.

Долго сговаривались, как это все устроить, шумели и пили вино, обдумали все, как следует, хохотали и пели, целовались и ссорились, мирились и плакали, жаловались друг другу, как скучно жить, как тяжело жить, и, если бы не вино, надо б лезть в петлю, вино все уносит, вино дает покой человеку, а потому надо пить, и пили, и плакали, и

ссорились, пока наступил рассвет.

Василий — тунгус богатый. Он взял пять мешков муки ржаной, два мешка белой, сколько надо сахару и чаю, сукна и кожи, дробы, свинца и пороху, немного вина, две горсти конфет, бисеру и ситцу, заплатил за покупку тысячу белок, двенадцать сохатин и остался должен сто рублей и пятнадцать копеек. Но Гришка — человек ласковый, он пятнадцать копеек скостил и еще подарил вдобавок тунгусу очки, а его бабе маленькое зеркальце.

Оба, муж и жена, остались очень довольны. Тунгуска гляделась в зеркало, а у нее наперерыв вырывали его из рук ее дети, тоже гляделись, хохотали, все враз тараторили, тыча пальцами в волшебное стекло и строя гримасы.

Василий, в очках, часто мигал глазами, и, улыбаясь, вопросительно говорил:

— Однако, хорошо видать?.. А то глаз худой стал, совсем моя слепился, белка мимо маленько стрелят...

Он выбегал в тайгу, к реке, смотрел на противоположный берег, на бледные огоньки летних северных звезд, чмокал губами, крутил головой и, хотя ему ломило глаза, он, войдя в избу говорил радостно:

— Однако, лучше?.. Совсем близил...

— Приближает?

— Би-ли-и-зко...

Он выпил водки, напился чаю, закусил и чувствовал себя хорошо.

Старый Унекан был несговорчив и зол. Ему ничего пока, кроме водки, покупать не надо: у него запас дома хороший. Он принес пятьсот белок и двух чернобурых лисиц. Триста белок он уплатил за старый долг покойного отца Конго, двести — променял на серебряный для Чочак пояс.

А вот лисиц хотел продать, но Гришка мало дает.

Старик деньги любит, особенно серебряные рубли, звонкие, круглые, большие. У него их много.

Вот и теперь надо бы побольше взять у торгового этих рублей да зарыть их в тайге, под колодиной: пригодятся... как не пригодятся, конечно, пригодятся: помрет, — Чочак оставит, Конго оставит, оба бедные, ничего нет у них, а он их жалеет, пуще себя жалеет, но Гришка, бессовестная рожа, совсем неподходящие речи толкует, смеется, волчья душа этакая, скалит зубы да и на!

Унекан просит по сто рублей за лисицу и десять бутылок вина, а Гришка дает пять бутылок вина и по три рубля. Старик кричит, спорит:

— Больно дешевил, друг... Пошто так...

— Как хошь, не надо...

— Пошто не надо?.. Надо! Шибко хорош, бери... Пасибо толковать будишь... Бери!

Но Гришка и слушать не хочет. Он встал и, громко засвистав песню, пошел в амбар.

— Готово али нет? — спросил он Борьку.

— Готово.

Еще громче и удалей свистя, он трусцой бежит в избу и говорит притворно-взволнованным голосом:

— Вот что, дружки... Судья скоро приедет сюда. Всех тунгусов судить будет.

Конго и Василий встали с мест, так перепугались. А старый Унекан, выдавший виды, спросил насмешливо:

— Какой судить?.. Чего мелешь?..

— А вот увидишь. Плыли мы вчера, обогнали его, верхом на лошади едет. Большой начальник...

Но Унекан не унимался:

— Чего путал!.. Вчера нету было, сегодня есть?.. Врал!.. Какой лошадь, сроду нет...

Гришка опять вышел, тунгусы же все сразу что-то заговорили, к ним пристала баба, зашептались и завсхлипывали ребята.

Унекан кричал громче всех, размахивал руками, зло выколачивал о скамейку свою медную трубку, бил себя в грудь, и сквозь тунгусский гул голосов раздавались русские слова:

— Мошенник... Плут...

— Начальник надо толковать...

В избе никого, кроме тунгусов, не было. Рабочие топили баню.

Вдруг раздался один за другим два выстрела. Эхо покатилося по тайге. Потом явственно зазвенели бубенцы, опять прибежал Гришка и крикнул тунгусам:

— Ребята, выходи!

Все вышли, кроме Унекана, и остановились у избы, а Унекан прильнул к окну и смотрел с любопытством, что будет дальше.

Бубенцы слышались все яснее и яснее. Опять раздался в тайге выстрел. Сквозь деревья замелькал движущийся огонек, ближе, ближе, что-то храпело там и фыркало. Наконец, показался верхом на лошади человек. Лошадь кто-то вел в поводу с зажженным факелом.

Гришка возился около амбарчика, торопливо втыкая в землю две палки. Воткнув их, он подпалил, ухмыляясь, ниточки. Вдруг вспыхнуло пламя, зашипело и двумя огненными хвостами шаркнуло в небо, загрохотало в вышине, рассыпалось в падающие звезды и растаяло.

Тунгусы попятились назад, хватаясь друг за друга; старый Унекан отскочил от окна.

А всадник подъехал к тунгусам и заорал зычным голосом:

— Здорово, орда!

Все стояли, раскрыв рты, мяли в руках камзолы и, пораженные, глядели и на невиданную здесь лошадь, и на огромную, всю усыпанную крестами и звездами, фигуру всадника.

На голове Оглашенного был надет, ручкой вперед, эмалированный горшок, отчего одутловатые щеки его еще более раздались в стороны, а усы грозно были опущены книзу.

В ручке посуды, как кивер в каске, была укреплена сделанная из конских волос якутская махалка от комаров. Через плечо, по солдатскому мундиру, повязан синий шарф, а сверху него, на груди лежала вырезанная из жести цепь, с большим посередине крестом.

Оглашенный был пьян, он сидел на лошади криво — одна нога выше другой — и держался обеими руками за гриву.

Рабочие стояли и улыбались, некоторые начали острить.

— Никак кобыла-то под хмельком, седока-то не сдержит...

— Сдержит... Не брякнись, Оглашенный: тут коренья... Держись за хвост...

Гришка что-то шепнул им, они замолкли, и все, как один, сняли с голов шапки, переглядываясь друг с другом.

Затем Оглашенный, Борька и Гришка зашли в избу и сели за стол. По углам стола горели четыре свечи, вставленные в подсвечники из ножек дикого оленя, под потолком висела зажженная лампада, в избе было светло и жарко.

Рабочие жались у печки, курия и плюя на пол, скалили тихомолком зубы, а некоторые дремали.

Тунгусы, выстроившись в ряд, почтительно стояли, ожидая грозы.

На столе книга, оракул, единственная в стане.

«Закон», думает Унекан, глядя на потрепанную книгу, и, ткнув Конго в бок, шепнул ему:

— Закон.

Оглашенный засопел, закашлялся пропойным кашлем и принялся чихать.]

Тунгусы кричали:

— Здоровья пуще, батюшка, здоровья пуще...

Оглашенный бодался, махал рукой и, весь от напряжения и водки красный, чихал и чихал, колебля пол.

Наконец, сказал:

— Который есть тунгус Унекан?..

Старик сделал шаг вперед и твердо ответил:

— Я.

— Ты?

— А кто же боле?.. Я...

— Который есть на лицо тунгус Конго?..

Унекан потянул за рукав Конго, тот робко шагнул вперед, встал рядом со стариком и, поглядев на ноги, ровно ли стоит, боязливо, робким голосом, не поднимая головы, ответил:

— Моя налицо...

— Т-э-к-с, тэк-с, тэк-с... А для чего у тебя на морде дуля?

Конго стоял, красный и растерянный, не понимал, что спрашивает судья, и, поглядывая на Унекана детскими глазами.

Тот дерзко сказал:

— Какой такой дуля?.. Толкуй лучше...

— Молчать!.. — крикнул Оглашенный. И все вздрогнули.

Рабочие, дремавшие у печки, открыли глаза и, поглядев ослепительным взглядом, плюнули и выругались.

— Пошто молчать?.. Говорить нада... Чево кричишь?.. Слышу...

— Молчать, тебе говорят!..

— Пошто злой... — сверкая глазами, кричал старик. — Чего гаркашь? Не глушился, слышу...

Тунгусы приободрились, шевельнулись, переступили с ноги на ногу, обтирая пот с взмокших лиц.

Унекан опустил на пол, поджав под себя ноги, и говорил:

— Ну, чево дале-то?

— Встать!..

— Ну, ладна... Устал... старик, поди... Обсуждай ^зскоре...

Ночь...!

Опять поднялся Унекан и стал закуривать трубку.

Гришка нагнулся и шепнул в ухо судье. Тот, уставившись на Василья, строго спросил:

— Ты есть тунгус Василий?

— Моя, господин начальник, моя будит, — виновата, глотая слова, ответил тунгус чужим голосом.

— Сколько у тебя оленей, али орон, по-вашему, по-тунгусскому?

Тот долго подгибал пальцы рук, шевеля губами: тунго, дюр-дюр, илян-дюр, нямади, да боле, да боле...

Унекан опять дерзким голосом ввязался, вновь, по забывчивости, садясь на пол:

— Тебе коли надо, поди, считай ^зсам... Один бог знат...

Оглашенный привскочил, ударив ^зкаблуками в пол, и рывкнул:

— Молчать!.. встать!..

— Ачать — сать... — всплеснув ^зруками и подпрыгивая, взвизгнула Васильева жена. Рабочие грохнули хохотом и улыбнулся Борька.

— Тебе еще, старому лешему, морда не бита, нет?!

Унекан, шлепая губами и задыхаясь от злобы, стоял к судье в пол-оборота и срывающимся голосом через плечо бросал ему острые, крикливые слова:

— Такой закон не есть был!.. Пошто мордам... Кажи такой закон, где?!

— Вот, погоди, я те покажу!

— Ну, ладно, буду погодил, кажи, пожалуйста!!

Гришка опять нагнулся к Оглашенному, опять пошептались. Двое рабочих храпели; тунгуска, сидя с ребятами вдоль лавки на полу, икала и охала.

Оглашенный встал и заявил:

— Суд удаляется в кухню на совещание. По выходе будет объявлен вердикт и сделан перерыв.

И твердой, грузной походкой, задев ногой табуретку, вышел в кухню, притворив за собой дверь.

Он вышел там водки, вытер усы, закрутил их кверху, кашлянул и торжественно направился в ту половину, где происходил суд.

А Борька тем временем шептал тунгусам:

— Не бойся, дружки: я заступлюсь.

Между тем суд заставил Унекана отдать пушнину...

В избе было очень жарко и душно, пахло прелью, табаком, потом и винным перегаром. Тунгусы еле держались на ногах, тоскуя по свободе, рабочих не было. У Оглашенного больше и больше наливалась на лбу жила и подергивалась верхняя губа.

— А ты, Гришка, сволочь, — спокойным голосом сказал он вдруг хозяину, когда Унекан убежал за пушниной.

Тот, учуяв в Оглашенном зверя, заерзал на скамейке, посмотрев на брата, сердито нахмурился, но ничего не сказал.

— Ты меня за сколько нанимал в год, а? За пять сот?.. А?

— После, после... — отвертываясь и избегая страшных глаз, скрипел Гришка.

— После?! — крикнул Оглашенный, и лицо побагровело. — После?.. Когда это — после?? — там пятьсот сулил, а сюда привез, сотню говоришь?!

Конго с Василием удивленно наблюдали происходящее и во все лицо приятно улыбались, прикрываясь ладонями.

Вошел, волоча лисиц, Унекан. Глаза его были хитры и решительны. Он пошептался с тунгусами, указывая пальцем на Оглашенного, посоветовался с ними, поспорил. Наконец, те враз ответили ему:

— Добро... Это ладно...

Тогда Унекан подошел к столу, положил обе шкуры возле Оглашенного, и уже тонким, покорным и заискивающим голосом, сказал:

— Вот, батюшка... Получай, батюшка... Пасибо, батюшка...

Потом тем же тоном, спросил:

— Ты самый большой в городе начальник, али самый большущий есть?

— Есть, брат, есть... Там все есть, там не тайга...

— Есть? Добро, — сказал Унекан и, подойдя к Конго с Василием, подмигнул им: тогда все трое дружно опустили на колени и устремили на Оглашенного, как на икону в церкви, полные упования и мольбы глаза.

Унекан теперь твердым, решительным голосом, держа сложенные на животе руки начал:

— Судья, батюшка, пиши такой расписка, я толковать буду, ты толкуй большущему, делай милость, толкуй: приказчик самый плут...

— Плут... — испуганно вторили остальные тунгусы...

— Борька самый плут есть...

— Плут...

— Гришка самый плут, борони бог как... все путал, все врал... Маленько вовсе обижат, мошейник шибко...

Оглашенный захохотал, поерошил себе волосы и сказал:

— Гришка мошейник, дед, это верно... Он, подлец, и меня надул...

— Молчи, тварь!! — зашипел, брызгая слюной, Гришка и ударил кулаком по столу.

Оглашенный едва успел открыть рот, как раздался резкий, словно удар косы о камень, голос тунгуса:

— Сам молчи!.. Что больна!.. — подскочив вплотную к Гришке, кричал Унекан. — Мошейник и есть... Что больна!.. — Все громче и громче звенел его голос, и вздрагивали толстые губы. — В тюрьму сажать надо?!. Сам, плут, сиди... обирал больна, богат стал больна, всех тунгусов давил! Вот начальник учить тебя будит, Борьку учить будит... Что больна... Плут!.. Тащи его, судья-батюшка... Пуще тащи!..

— Ха-ха-ха... — деланно и зло захохотал озлившийся Гришка, — дурак, ты, старый чорт, и больше ничего... Судья?!. Это, по твоему, судья?! На, тебе, судью голоштанную, на!! — взвился вдруг и, стиснув зубы, вмиг сорвал с растерявшегося было Оглашенного цепь, кресты, ленты. — Н-на, смотри!!

Вихрем влетела в избу Маша...

— Бей его, Гришенька, бей! — и влепила две звонкие затрепины по жирной щеке Оглашенного.

Тот качнулся, хрюкнул и, взревев медведем:

— А-а!.. так?! — опрокинул разом стол, и с страшной силой сгрел Гришку за горло. — Будешь?.. — надсадисто хрипел Оглашенный, — будешь тунгусов обирать?!

Тунгусы выскакали в окна, как только началась свалка.

— Убегай, Конго... убегай!.. — Не чужь земли под ногами, кричал товарищу Унекан.

В избу ввалились рабочие.

По тайге растилался поднявшийся с реки туман. Храпела, отбиваясь от гнуса, лошадь, и заливались на разные лады переполошенные собаки.

Конго и Унекан быстро собрали своих восемь оленей, оседлали и поехали в обратный путь.

А Василий с семьей долго еще ходили по темным провалам тайги.

— Мо-о-до! Мод-мод-мод... — звенели призывные женские голоса.

.....

ПУШКАРЕВ

ГЛЕБ МИХАИЛОВИЧ.

Родился в 1889 г. в Томске. Детство провел в сибирской деревне, впитав в себя ее дух и быт, что после и стало главным мотивом в его творчестве. Окончил среднюю школу экстерном и поступил в психоневрологический институт, но война не позволила его окончить.

По характеру письма — бытовик и детский писатель.

МЛАДЕНЦЫ ГОР.

I. В горы.

— Язень, — сказал русский, слезая с седла и привязывая коня к пряслу.

— Язень, — ответил Ахтынбай. — Иди в избу, гостем будешь. — А сам с любопытством осмотрел всего гостя: наверное водку привез.

Русский приглашений не ждал и прямо ввалился в избу.

— Ну, тамыр, угощений давай, а у меня кой-что и получше найдется.